

Кобзон ИИ

31/III 88

— Ленинградская правда —

1988 — 31 марта

ВСТРЕЧА ПОСЛЕ КОНЦЕРТА

Нота мужественности

«ТРУДОЛЮБИЕ, одухотворенность, простота и доброта сами по себе не часты. Находя эти качества в одном человеке — творце — удивляешься. Иосиф, Вы — редкость». Так написал Иосифу Кобзону Иннокентий Смоктуновский.

А писатель Юрий Нагибин добавил: «В прекрасном пении Иосифа Кобзона мне особенно привлекательна нота мужественности. И звучит она не только в его военных песнях или песнях о нашей мирной жизни, до сих пор требующей героизма, но и в старых русских романсах, в напевах тридцатых годов, идущих по ряду «ретро»; в грусти и печали о минувшем Кобзон остается настоящим мужчиной. Это особенно хорошо на том разнице женственности и бесполости, который захлестнул нашу эстраду... Недаром И. Кобзон всегда первый — и там, где тянут рельсы по вечной мерзлоте, и где пылают атомный пожар, и где гремят выстрелы».

Не случайно в альбоме, изданном в связи с 50-летием народного артиста СССР Иосифа Кобзона, свои поздравления и пожелания шлют

ему не только артисты и композиторы, но и ученые, космонавты, художники, писатели, спортсмены. Люди самых разных профессий, все мы — зрители, и нас не может не восхищать артист, который никогда не заискивал перед нами и всегда покорял нас искренностью и одухотворенностью. С большим успехом прошли и его нынешние гастроли в Ленинграде.

— Только не спрашивайте меня о «секретах» моего песенного долголетия, — начал артист свое интервью. — Мне всего-навсего 50. Возраст зрелого мужчины, который может перевернуть горы. Вот когда Утесов в 85 лет участвовал в концертах — тут естественно было поговорить о «секретах». А у меня их нет.

Никогда не стремился стать популярней, чем есть, и не завидовал коллегам — скажем, Пугачевой, Леонтьеву, когда их захлестывала невероятная популярность. Радовался, что есть люди, которые так будоражат умы и сердца. А причины моей стабильной работы в течение почти 30 лет, наверное, в том, что очень люблю свое дело, люблю трудиться.

Навыки эти заложили во мне артисты цирка.

— Вы начинали не на эстраде, а на арене?

— Начинал обычно, даже скучно рассказывать: школьная самодеятельность, потом студенческая (я закончил техникум) и армейская — был батарейным запевалой. А когда в 1958 году поступил в Государственный музыкально-педагогический институт имени Гнесиных, стипендии, естественно, не хватало. Помогать в нашей многодетной семье мне было некому, и я стал подрабатывать в цирке. Видел, как артисты до головокружения, до кровоподтеков оттачивали свои трюки, видел людей, без памяти влюбленных в свое искусство. Лучшей школы не пройти.

Меня часто спрашивают, не надоело ли мне по восемь месяцев в году быть в разъездах. Это стало характером, образом жизни. Люблю встречаться с людьми. Страдаю лишь от того, что редко вижу детей. Но вот сейчас каникулы, и все гастроль дочь и сын со мной, они ведь у меня школьники. Кочевую жизнь разделяет со мной супруга, которая, к счастью, тоже работает в нашей системе.

— Демократизация нашего общества не могла не коснуться и эстрады...

— Не стесняйтесь, договаривайте: но сейчас ее захлестнул поток серости. Многие демократизацию понимают как вседозволенность, и льется так называемая авторская песня с ужасными текстами, кошмарной мелодикой. Это касается и бардов, и рок-групп, и ансамблей. Тем не менее как член большого художественного совета я всегда говорю, что не дать возможность исполнителям самовыразиться — непростительная ошибка. Молодежь сама разберется, хорошая это музыка или плохая, ей есть с чем сравнивать. Так что мутная волна непременно отойдет. Обидно другое — что наше современное эстрадное искусство развивается не на отечественной основе, культуре. Защищает не лучшее западное. Но и это, я надеюсь, пройдет и тоже только благодаря демократизации, большей свободе.

— Может быть, ваши вкусы и пристрастия несколько консервативны?

— Нет, я очень люблю хорошие группы, они, конечно, есть. В прошлом году я был у вас на фестивале рок-музыки и вспоминаю о нем с горечью. Вместе с талантливыми людьми, например тем же Гребенщиковым, как бы «на равных» выступали люди, которые к музыке и вообще к искусству не имеют никакого отношения. Чем экстравагантнее, развязнее и внешне, и по содержанию, тем, якобы, лучше.

Но неужели действительно это наш сегодняшний уровень мысли и чувства? Да, есть у нас трудности, и вакуум свободного времени у молодежи не заполнен. Надо что-то делать, не пропагандировать же с эстрады бесталанность, бескультурие. Убежден, что эти песни не останутся в памяти, в нашей летописи, и нужно думать о высокой культуре даже в так называемом легком жанре.

— А как вы искали себя, свои темы, неужели никогда не хотелось поэкспериментировать?

— Я, конечно, менял, расширял репертуар. Причем не в дань моде, а заражался, общаясь с мастерами. Например, дружил с Лидией Андреевной Руслановой и не мог не увлечься народной песней. Шульженко, Утесов, Бернес влюбили меня в мелодии 30-х, 40-х годов. Я учился у замечательных исполнителей, каждый из которых был личностью.

— Сейчас у вас в программе немало песен Высоцкого и песен о нем, а при его жизни вы исполняли их?

— Да, пел его «Балладу о покинутом корабле». Володя слушал ее, и, хотя мы никогда не были большими друзьями, я попросил его подготовить со мной цикл его песен. Он с готовностью откликнулся. Но суета-сует, было все недосуг, казалось, что еще успеем. Не согласен с теми, кто утверждает, что, кроме Высоцкого, никто не должен петь его песни. Их любят в народе, и все, кому дорого его творчество, могут их исполнять, только не надо копировать — бесполезно. А в принципе, это же так естественно: человек поет то, что любит, что ему дорого...

Беседу вел
Т. ЧЕСАНОВА